

Пролог

Настоящее время

Она всегда находила удовольствие в мелочах. В том, как едва слышно гудит желтобрюхий мохнатый шмель, деловито перелетая с цветка на цветок и даже не подозревая, сколь важна его работа для всего человеческого рода. В пьянящем аромате и буйстве красок душистого горошка, который она посадила в огороде, хотя другие на ее месте предпочли бы засеять грядки его более съедобными сородичами. Или в том, как муж потирает затекшую поясницу, удобряя клумбу с розами, без единой жалобы, хотя сотни занятий принесли бы ему куда больше радости.

Она нагнулась выдернуть сорняк, как вдруг почувствовала в своей руке крошечную ладошку внучки, теплую и доверчивую. Это была еще одна мелочь, самая приятная из всех, от которой у нее на лице всегда расцветала улыбка, а на сердце становилось теплее.

— Бабуля, а что ты делаешь?

Она обернулась и посмотрела на любимую внучку. Щеки девочки румянились в лучах вечернего солнца,

а курносый нос был весь измазан грязью. Она достала платок и осторожно вытерла земляные кляксы:

— Полю сорняки, только и всего.

— А зачем?

На секунду она задумалась.

— Им здесь не место.

— Где же тогда их место?

— Это просто сорняки, милая, у них нет места.

Внучка выпятила нижнюю губу и насупила брови.

— Нет, это неправильно. У всего есть место.

Улыбнувшись, она поцеловала девочку в макушку и посмотрела на мужа. Его некогда черные волосы тронула седина, а на лице стало больше морщин, но годы, казалось, совсем его не состарили, и каждый день она благодарила судьбу, что нашла его. Несмотря на все напасти, через которые им пришлось пройти, сейчас их место было здесь, рядом друг с другом.

Она обернулась к внучке:

— Ты права. Давай посадим их обратно.

Она выкопала небольшую лунку, не переставая удивляться, как многому могут научить дети и насколько их мудрость недооценивают, если и вовсе замечают.

— Ба?

Она очнулась от раздумий.

— Что, милая?

— А как вы с дедушкой познакомились?

Она встала и взяла внучку за руку. Убрав прядку золотых волос с лица девочки, она сказала:

— Даже не знаю, с чего начать. Видишь ли, это очень длинная история...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава I

Март 1973 года

Всё, на этот раз она умрет, без всяких сомнений. Она знала, что ей оставалось недолго, и молилась, чтобы конец пришел быстрее. Она чувствовала, как по шее течет теплая липкая кровь. Секундой раньше она слышала тошнотворный хруст собственного черепа, когда муж со всего размаху швырнул ее о стену. Во рту мешалось что-то похожее на осколок гравия — ее зуб, который она отчаянно пыталась выплюнуть. Его руки сдавили горло так сильно, что она не могла ни дышать, ни издать ни единого звука. Легкие сжались, моля о глотке кислорода, а глаза готовы были выскочить из орбит. Голова закружилась, и наконец она начала проваливаться в спасительную темноту.

Раздался давно позабытый треск школьного звонка, и вдруг ей снова было пять лет. Болтовня остальных детей тонула в непрекращающемся дребезге. Она закричала, чтобы они перестали, вдруг осознав, что у нее, оказывается, был голос.

Она распахнула глаза и уставилась в потолок спальни, потом перевела взгляд на будильник, который только что вырвал ее из ночного кошмара. По спине стекали холодные капельки пота, а сердце продолжало бешено колотиться. Она натянула одеяло по самый подбородок, стараясь сохранить уютное тепло еще хоть на мгновение, и осторожно выдохнула. Ее дыхание превратилось в пар и застыло в студеном воздухе. С невероятным усилием она заставила себя встать с кровати и поежилась, коснувшись босыми ногами ледяного шершавого пола. Она взглянула на Рика — он, к счастью, все еще крепко спал, похрапывая после опустошенной бутылки виски. Она убедилась, что его сигареты по-прежнему лежат на тумбочке, куда она предусмотрительно положила их еще вчера. Если с утра Рик не мог найти свои сигареты — день был испорчен.

Она тихонько пробралась в ванную и прикрыла дверь. Чтобы Рик проснулся, за окном должна была прогреметь вторая Хиросима, но Тина не хотела рисковать. Она набрала таз ледяной, как обычно, воды, чтобы помыться. Зачастую им приходилось выбирать, кого кормить — себя или счетчик. Рик потерял работу в автобусной компании, так что на отопление денег оставалось немного. На выпивку, сигареты и азартные игры, правда, хватало, вздохнула она про себя.

Она спустилась на кухню и поставила чайник. В дверной щели уже торчали газеты — «Сан» для нее и «Спортинг лайф» для мужа. Она вытащила их и рассеянно пробежала глазами. Ее внимание привлек заголовок. Сегодня был день скачек «Гранд Нэшнл». От одной мысли, сколько денег на них просадит Рик, ей

Письмо

стало не по себе. К обеду он наверняка уже будет так пьян, что едва ли отважится самостоятельно дойти до букмекерской конторы, так что ставки придется делать Тине. Контора располагалась по соседству с благотворительным магазином, в котором она помогала по субботам, и букмекер Грэм стал за долгие годы ее близким другом. Несмотря на то, что Тина всю неделю работала стенографисткой в страховом агентстве, она с нетерпением ждала своего дня в магазине. Рик говорил ей, что глупо тратить целый день, добровольно разгребая шмотки покойников, вместо того, чтобы работать в нормальном магазине и пополнять семейный бюджет. Но для Тины это было поводом отвязаться от Рика хотя бы на день, и к тому же ей нравилось болтать с покупателями — с ними она могла не следить за каждым сказанным словом.

Тина включила радио и убавила звук. Тони Блекберн со своими плоскими шутками всегда знал, как рассмешить ее. Он как раз объявлял новый сингл Донни Осмонда, «Двенадцатое никогда», когда чайник тихонько засвистел. Она подхватила его, пока звук не превратился в пронзительный свист, и засыпала две ложки чайных листьев в старый заварной чайник. Дожидаясь, пока чай настоится, она присела за стол и развернула газету. Услышав, как сверху в туалете спустили воду, она замерла. Деревянные половицы заскрипели обратно в сторону кровати, и она с облегчением выдохнула. В ту же секунду раздался голос, и она снова застыла:

— Тина! Где сигареты?

«Боже, когда же он перестанет дымить как паровоз?»

Она вскочила с места и бросилась наверх, перепрыгивая через две ступеньки.

— У тебя на тумбочке, я еще вечером положила, — ответила она, вбежав в комнату, едва дыша.

Она провела рукой по тумбе, пытаясь нащупать в темноте чертовы сигареты. Их не было. Тина сделала глубокий вдох, пытаясь совладать с подступающей паникой.

— Я немного раздвину шторы. Ничего не видно.

— Черт подери, женщина! Я что — так много прошу? Чтобы у мужика с утра была сигарета! Это что, так сложно? У меня все горло дерет.

От него несло вчерашним кислым виски.

Наконец она нашла сигареты на полу — они завалились между кроватью и тумбой.

— Вот они. Ты, наверное, задел во сне.

Рик пристально посмотрел на нее, затем приподнялся и вырвал пачку у нее из рук. Она вздрогнула и непроизвольно закрыла лицо руками. Он схватил ее за запястье, и на секунду их глаза встретились. Тина зажмурилась, стараясь побороть слезы.

Она отчетливо помнила, как Рик ударил ее в первый раз, словно это было вчера. От одного воспоминания щека начинала гореть. Это была не просто физическая боль, а осознание суровой реальности, что все уже никогда не будет прежним. Это случилось во время их первой брачной ночи, и от этого становилось еще невыносимее. Все шло идеально. Рик был просто неотразим в своем новом коричневом костюме и кремовой рубашке с шелковым галстуком. Белая гвоздика в петлице подчеркивала его статус жениха,

Письмо

и Тине казалось, что невозможно любить кого-то сильнее, чем она любит его. Все говорили ей, как она обворожительно прекрасна. Ее длинные черные волосы были собраны в небрежный пучок, в который были вплетены крошечные цветы. Голубые глаза сияли из-под густых накладных ресниц, а лицо светилось естественной красотой, которая делала косметику излишней. После свадьбы была шумная вечеринка в местном недорогом отеле, и счастливая пара протанцевала со своими гостями всю ночь напролет.

Когда они готовились ко сну в гостиничном номере, Тина заметила, что Рик как-то странно притих.

— Ты в порядке, дорогой? — спросила она, обвиняя его шею руками. — Чудесный был день, правда? Поверить не могу, что я наконец миссис Крейг.

Тут она резко вскочила:

— Слушай, мне ведь нужно потренироваться писать новую подпись.

Она взяла ручку и лист бумаги с прикроватного столика и старательно вывела «миссис Тина Крейг» с пышными завитушками.

Рик по-прежнему не произнес ни слова, продолжая молча смотреть на нее. Он зажег сигарету и налил себе стакан дешевого шампанского. Залпом выпив его, он подошел к кровати, на которой сидела Тина.

— Встань, — приказал он.

Тон смутил Тину, но она сделала то, о чем ее просили.

Рик поднял руку и резко ударил ее по лицу.

— Не смей делать из меня посмешище, — рявкнул он и бросился вон из комнаты.

Всю ночь он просидел в гостиничном холле в окружении опустошенных стаканов, и лишь спустя несколько дней сказал Тине, чем именно она провинилась. По-видимому, ему не понравилось то, как она танцевала с одним из его коллег. Она якобы смотрела на него слишком вызывающе и флиртовала с ним на глазах у гостей. Тина не могла вспомнить даже самого парня, не говоря уже о танце, но именно с этого дня в голове у Рика поселилась навязчивая уверенность в том, что его жена готова строить глазки всем мужикам без исключения. Тина часто спрашивала себя, почему не ушла от него в ту же ночь. Но в душе она была романтичной натурой и хотела дать своему замужеству шанс. Она была уверена, что подобные выходы больше не повторятся, и Рик развеял все ее сомнения, подарив букет цветов в качестве извинения. Его угрызения и раскаяния казались столь искренними, что Тина тут же простила его без малейших колебаний. Лишь спустя пару дней она заметила среди цветов открытку. Она осторожно вытащила ее, радостно улыбаясь. «С глубокой скорбью любимой бабушке», — прочитала она. Этот мерзавец стащил букет с могилы на кладбище.

И вот, четыре года спустя, они молча смотрели друг другу в глаза. Наконец, Рик отпустил ее руку.

— Спасибо, солнышко. Теперь будь хорошей девочкой и принеси-ка мне чаю.

Тина с облегчением выдохнула и потеряла посиневшее запястье. С той самой брачной ночи она поклялась, что не позволит превратить себя в жертву — одну из тех несчастных жен, которых бьют мужья

Письмо

и которые при этом постоянно умудряются оправдывать их скотское поведение. Много раз она грозилась уйти, но в последнюю секунду всегда передумывала. Рик становился таким кротким и несчастным, так глубоко раскаивался и обещал никогда больше не поднимать на нее руку. Но в последнее время он стал пить больше, и его выходки участились. Наконец настал день, когда ее терпению пришел конец.

Главная трудность заключалась в том, что идти ей было некуда. Семьи у нее не было, а что до пары близких друзей — она не хотела навязываться и стеснять их своим присутствием. О том, чтобы Рик добровольно ушел, можно было и не мечтать, хотя за квартиру они платили с ее зарплаты. Поэтому она начала откладывать деньги на побег. Нужно было накопить хотя бы на месячную аренду и залог, и тогда она смогла бы вырваться на свободу. В реальности, однако, это оказалось не так-то просто — у нее редко оставались хоть какие-то лишние деньги. Но это не остановило Тину: она твердо решила уйти, сколько бы времени на это ни потребовалось. В глубине кухонного шкафа она хранила старую банку из-под кофе, в которой потихоньку набралось больше пятидесяти фунтов. Но аренда даже самой простой комнатухи стоила восемь фунтов в неделю, плюс залог фунтов тридцать, а значит, нужно было гораздо больше денег, чтобы отважиться на побег. Пока же она старалась поменьше попадаться Рику на глаза и по возможности не злить его.

Зажав под мышкой «Спортинг лайф», она поднялась вверх с кружкой чая.

— Вот и чай, — сказала она, стараясь придать голосу напускную беззаботность.

Ответа не последовало. Оперевшись на подушку, Рик снова задремал. Из открытого рта торчала сигарета, опасно балансируя на сухой растрескавшейся губе. Тина вынула окурочек и затушила его.

— Господи, ты нас обоих убьешь когда-нибудь, — пробурчала она себе под нос.

Поставив чашку на стол, она задумалась, как лучше поступить. Разбудить мужа и навлечь на себя его похмельный гнев? Или просто оставить чашку на столике? Когда он проснется, чай, без сомнения, успеет покрыться ледяной корочкой, что, опять-таки, приведет его в бешенство, но к тому времени она уже будет в магазине в полной безопасности. Ничего решить Тина так и не успела: Рик зашевелился и продрал глаза.

— Я принесла тебе чая, — сказала она. — Я собираюсь в магазин. Ты тут справишься?

Рик приподнялся на локтях.

— Во рту пересохло, как у верблюда, — прохрипел он. — Спасибо за чай, солнышко.

Он похлопал по одеялу, приглашая ее сесть.

— Присядь ко мне.

Таким был Рик: в мгновение ока он превращался из низкого злобного мерзавца в ангелочка из церковного хора.

— Прости, что накричал из-за сигарет. Ты же знаешь, я бы пальцем тебя не тронул.

В это Тина могла поверить с большим трудом, но спорить с Риком в любом случае было плохой идеей, так что она чуть заметно кивнула.

Письмо

— Слушай, — продолжил он. — Можешь сделать кое-что?

Она молча вздохнула и закатила глаза к потолку. «Начинается».

— Можешь сделать за меня ставку?

На этот раз Тина не выдержала:

— Рик, ты уверен, что это хорошая идея? Ты же знаешь, как туго у нас с деньгами. Я одна зарабатываю. Ну какие тут скачки?

— «Я одна зарабатываю», — передразнил Рик. — Никогда не упustiшь возможности мне об этом напомнить, самодовольная корова!

Столь злобный выпад испугал Тину, но Рик вернулся к сути дела:

— Сегодня же «Гранд Нэшнл», черт подери! Сегодня все ставят.

Он нагнулся, подобрал с пола брюки и вынул из кармана свернутую пачку купюр.

— Тут полтинник, — сказал он, оторвал крышку от пачки сигарет и написал на ней кличку лошади. — Наш счастливый полтинник.

Он протянул ей деньги и кусок картона. Тина в полном ошолбенении уставилась на него.

— Где ты это взял?

— Не твое дело, но раз уж ты спрашиваешь — выиграл на скачках. И кто тут говорил, что это пустая трата времени?

«Лжец».

Тина чувствовала, как в глазах мутнеет, а голова начинает гореть.

— Рик, это больше, чем я зарабатываю за неделю.

— Знаю. Разве я не молодец? — ответил он самодовольно.

Тина сжала руки, словно в молитве, и поднесла их к губам. Стараясь сохранять спокойствие, она сделала глубокий медленный вдох.

— Но этих денег хватило бы, чтобы заплатить за свет или купить еды на целый месяц.

— Боже, Тина! Какая же ты зануда!

Дрожащими руками она развернула пачку веером. Она знала, что физически не способна отдать столько денег букмекеру.

— Ты сам не можешь поставить? — взмолилась она.

— Чертов букмекер сидит у тебя за соседней дверью. Тебе что — порог переступить трудно?

Глаза начинало пощипывать от слез, но Тина знала, как ей поступить. Она заберет деньги и посоветуется с Грэмом. Как-то раз она уже так делала — взяла у Рика деньги, но ставить не стала. Лошадь, конечно же, проиграла, и он ни о чем не догадался. Хотя за этот забег Тина постарела лет на десять, а в этот раз будет еще хуже. Ставка слишком высока. «Боже, пятьдесят фунтов».

Внезапно ее охватила необъяснимая паника. Поднимаясь от самых пяток, она подступила к горлу, и Тине стало тяжело дышать. Она попятилась из спальни, бормоча что-то невнятное про невыключенную духовку, и бросилась на кухню. Забравшись на стул, она пошарила рукой в глубине шкафа в поисках кофейной банки со сбережениями на побег. Нащупав пальцами знакомую форму, она вытащила банку и прижала к груди. Руки тряслись, и крышка никак не поддавалась. Вспотевшие ладони проскальзывали,

Письмо

и Тина схватила кухонное полотенце. Наконец крышка отвинтилась, и Тина заглянула внутрь. Внутри было пусто, не считая пары медяков. Тина встряхнула банку и заглянула еще раз, словно надеясь, что глаза подвели ее.

— Ублюдок! — заорала она. — Чертов ублюдок!

Она зарыдала, судорожно вздрагивая всем телом.

— Ты что, думала меня облапошить?

Тина вскочила и обернулась. В дверном проеме, с очередной сигаретой в зубах, стоял Рик в заляпанной полинявшей футболке и грязных трусах.

— Это ты взял! Как ты мог! Я работала в две смены, чтобы их скопить, откладывала несколько месяцев.

Она рухнула на пол и начала качаться взад-вперед, по-прежнему прижимая к груди пустую банку. Рик подошел и, резко дернув за руку, поднял ее на ноги.

— Хватит истерить. Чего ты ждала? Прячешь деньги от собственного мужа! На что ты копила?

«Чтобы отделаться от тебя, пьяное ничтожество».

— Это был... сюрприз. Небольшое путешествие. Я подумала, нам обоим не помешало бы немного развееваться.

Рик задумался на секунду, затем отпустил ее руку, все еще недоверчиво хмурясь:

— Хорошая мысль. Знаешь что — когда эта лошадь прискачет к финишу, мы устроим себе выходные так выходные! Может, даже махнем за границу!

Тина кивнула, жалко всхлипывая, и вытерла глаза.

— Иди приведи себя в порядок, на работу опоздаешь. Я обратно в кровать — измотала ты меня.

Он чмокнул ее в макушку и направился вверх по лестнице.

Тина застыла посреди кухни. Она в жизни не чувствовала такого безысходного отчаяния, но одно она знала точно — она не будет ставить эти деньги. Это были ее пятьдесят фунтов, и она не собиралась спустать их на скачках — хоть на «Гранд Нэшнл», хоть на каких еще. Она запихнула деньги в сумочку и мельком взглянула на кличку, которую Рик накорябал на обрывке сигаретной пачки. «Красный Ром».

«Только подумай выиграть, засранец».

Тина подошла к магазину и начала рыться в сумочке в поисках ключей. На пороге стоял мешок со старой одеждой — прямо под табличкой, которая просила этого не делать. Хотя Тина не могла вообразить, чтобы кто-то стащил вещи, пожертвованные на благотворительность, такое уже несколько раз случалось. Даже в эти тяжелые времена, когда весь город бастовал и в домах то и дело отключали электричество, Тина не переставала удивляться, как низко могут пасть люди. Она перекинула сумку через плечо и открыла дверь. Проработав здесь два года, она по-прежнему морщилась всякий раз, когда заходила внутрь. У старой одежды был свой особый запах — один и тот же во всех благотворительных магазинах и на всех блошиных рынках. Она пахла нафталином, затхлым потом и печеньями.

Тина второй раз за утро поставила чайник и развязала подброшенный мешок. Она вытащила из него старый костюм и оценивающе окинула взглядом. Костюм был старый, но сшит на редкость хорошо — такого качества Тина никогда не видела. Он был не-

Письмо

обычного зеленоватого цвета в тонкую золотистую полосу, из чистой шерсти.

Зазвенел дверной колокольчик, и Тина отложила находку в сторону.

— Славный костюмчик. А цвет-то какой! Неудивительно, что хозяин от него избавился!

Это был Грэм из букмекерской конторы.

— Привет. Не думала, что у тебя сегодня найдется время трепаться попусту, — поддразнила Тина.

— Да уж, самый занятой день в году. Но я не жалею, — ответил он, потирая руки. — Найджел открывает, так что у меня есть пара минут.

Тина обняла его.

— Рада, что ты зашел.

— Ну, как ты сегодня?

Вопрос не был праздным. Грэм прекрасно знал о всех нюансах ее семейной жизни — ему не раз доводилось видеть ее синяки и разбитые губы. И он всегда был так добр. Тина слегка пошатнулась. Грэм подхватил ее под локоть и усадил на стул.

— Чего он натворил на этот раз? — спросил он, приподнимая ее лицо за подбородок и внимательно его разглядывая.

— Иногда я правда его ненавижу, Грэм.

Он притянул ее к себе и ласково погладил по голове.

— Тина, ты заслуживаешь гораздо большего. Тебе двадцать восемь. У тебя должен быть любящий муж, пара ребятишек...

Она отстранилась от него, вытирая измазанные тушью глаза.

Кэтрин Хьюз

— Вот ты мне сейчас очень помог..

— Извини, — ответил Грэм, снова приглаживая ее волосы. — Расскажи, что случилось.

— У тебя нет на это времени, уж точно не сегодня.

Но Тина знала, что у Грэма всегда найдется для нее время. Он был безнадежно влюблен в нее с их самой первой встречи. Тина тоже его любила — как близкого друга, иногда заменявшего ей отца. Он был на двадцать лет старше ее, у него была жена, и Тина была не из тех, кто крадет чужих мужей.

— Он хочет, чтобы я сделала ставку, — всхлипнула она, и Грэм протянул ей накрахмаленный до хруста платок.

— Тоже мне новость. Он один из моих лучших клиентов, а сегодня «Гранд Нэшнл».

— Он так и сказал. Но речь о пятидесяти фунтах, Грэм.

Даже Грэм присвистнул.

— Откуда он взял столько денег?

— Украл у меня, — всхлипнула она снова.

Грэм посмотрел на нее с явным недоумением.

— У тебя? Ничего не понимаю.

— Я откладывала деньги, копила на по... — она загнулась, решив, что сейчас не стоит говорить Грэму о своих планах. Он и раньше предлагал ей деньги, но она отказалась. Какая-то гордость и чувство собственного достоинства у нее все-таки остались. — Неважно, на что. Суть в том, что это мои деньги, и он хочет, чтобы я поставила их на какую-то лошадь на «Гранд Нэшнл».

От возмущения голос Тины звучал все громче, словно она сама не могла поверить в то, что говорит.

Письмо

Грэм не знал, что ответить. Первым в нем заговорил букмейкер:

— На какую лошадь?

Тина покосилась на него, не веря своим ушам.

— Это что — важно? Я не буду ставить.

— Извини, Тина. Просто интересно, — помедлил он. — А что, если она победит?

— Не победит.

— Как ее зовут? — настаивал Грэм.

Вздыхнув, Тина выудила из сумочки обрывок сигаретной пачки и протянула Грэму. Он взглянул на клочок бумаги и наморщил лоб.

— Красный Ром... — медленно кивнул он. — По правде говоря, Тина, шанс у него есть. Это его первый «Гранд Нэшнл», но он вполне может стать фаворитом. Есть еще, правда, эта здоровенная австралийская кобыла Хруст. Думаю, эта тоже может оказаться среди первых, — он положил руку Тине на плечи. — Шанс у него есть, Тина, но на скачках гарантий тебе никто не даст.

Она прильнула к его груди, наслаждаясь теплом заботливых рук.

— Грэм, я не буду ставить, — сказала она спокойно.

По стальным ноткам в ее голосе он понял, что спорить бесполезно.

— Это твой выбор, Тина. Но что бы ни случилось, я буду рядом.

Она улыбнулась и поцеловала его в щеку.

— Ты славный парень, Грэм. Спасибо.

Он посмотрел в сторону, слегка смутившись.

— Знаешь, — радостно продолжил он, — чего только ни бывает. Как знать, вдруг ты найдешь пя-

Кэтрин Хьюз

тидесятифунтовую купюру в кармане этой зеленой ветоши.

Тина ухмыльнулась:

— Разве такие купюры бывают? Ни разу не встречала.

Грэм натужно рассмеялся.

— Ладно, мне пора. Найджел уже, наверное, меня потерял.

— Конечно, иди. Не буду тебя задерживать. Во сколько начало?

— В три пятнадцать.

Тина взглянула на часы. Оставалось пережить всего шесть часов.

— Дай знать, если передумаешь насчет ставки.

— Не передумаю, но спасибо.

Когда Грэм ушел, Тина вернулась к подброшенному мешку с одеждой. Она снова вытащила пиджак от зеленого костюма и, вспомнив слова Грэма, засунула руку во внутренний карман. Она тут же почувствовала себя немного глуповато, но вдруг ее пальцы нащупали что-то шершавое, похожее на бумагу, и сердце на секунду ёкнуло. Тина осторожно вытащила находку. Это была не пятидесятифунтовая купюра, а старый пожелтевший конверт.